

ПЕСТРЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ.

(Изъ рассказовъ знакомаго).

Я ходилъ взадъ и впередъ по широкому балкону моего деревенскаго дома и смотрѣлъ вдаль, поджидая изъ города почтара.

Кто жилъ въ какой нибудь глуши, которой такъ много еще въ нашемъ пространномъ отечествѣ, — въ глуши, гдѣ всего два раза въ недѣлю почта сообщаетъ, а часто и разъобщаетъ васъ съ остальнымъ свѣтомъ, — тотъ знаетъ, что такое почтовый день, особенно когда, — какъ было на этотъ разъ — ждешь вѣстей, лично для себя важныхъ. Ожиданіе мое было особенно нетерпѣливо: книга не занимала меня, дѣлать ничего не хотѣлось и я, рассказывая по балкону, посматривалъ вдаль.

А видъ открывался большой и славный: длинная и широкая улица, вправо и влево видная изъ конца въ конецъ, съ прочными крестьянскими избами; за ней лѣсъ, поля, перелѣски, и на самомъ заднемъ планѣ замыкали картину одиноко выдвинувшіяся и живописно рисующіяся горы. Проселокъ въ городъ то обозначался изгибающейся полоской, то пропадалъ въ ложбинѣ, у самой деревни ясно чернѣлъ, выбѣгая на пригорокъ, усаженный березками: тутъ было наше деревенское кладбище.

Посматривая вдаль, чаще всего глазъ невольно останавливался на этомъ концѣ-концовъ жизни, и невольно мысль переносилась къ тѣмъ близкимъ нашей семьи, которыхъ такъ много лежитъ тамъ, лежатъ, какъ жили, тѣсно окруженные крестьянами и дворовыми. Невольно припоминалось время, когда нашъ большой, только что выстроенный тогда, деревянный домъ былъ весь сверху донизу полонъ жильцами: бабушками, дѣдушками, дядями, тетками, которые всѣ, всѣ до одного, уже перешли на то послѣднее жилище. Припомнился мнѣ и другой нашъ городской большой деревянный домъ «старый Ларионовскій домъ», гдѣ я началъ помнитъ себя окруженнымъ дорогими женскими лицами. Оттуда почти всѣ эти лица, послѣ

смерти бабушки, переѣхали сюда, и переѣхали съ мыслью, какъ сами говорили, «положить здѣсь свои косточки». Живо переносился я въ тотъ міръ, который началъ уже заволочаться какимъ-то сказочнымъ туманомъ вымысла и преданій, и съ любовью старался воскресить его въ своей памяти.

Но собака моя приподняла голову и обвернулась; я увидалъ своего слугу.

— Что тебѣ? спросилъ я.

— Ничего-съ. Пришелъ вамъ сказать: внизу у нянюшки гостья... Степановна, улыбаясь, отвѣчалъ Петръ.

Петръ зналъ мою слабость къ Степановнѣ, и потому сказывалъ мнѣ, когда она приходила въ домъ. Напряженность ожиданія начинала становиться несносною, я радъ былъ развлечь себя, и пошелъ внизъ.

При воспоминаніи о моемъ житѣи и побывкахъ въ деревнѣ, начиная съ самаго ранняго возраста, образъ Степановны ярко рисуется передо мною и выдѣляется изъ окружающей среды, видоизмѣняясь отъ времени до времени. Съ дѣтства, я помню, мое любопытство сильно возбуждено было чѣмъ-то необыкновеннымъ въ бойкой молодой и видной бабѣ, которую звали Таней. Ея развязная, всегда чрезвычайно складная рѣчь, свободныя отношенія къ дворнѣ, даже ловкія, какъ будто прямодушныя и чистосердечныя, но всегда льстивыя и некрестьянскія слова и способы обращенія къ намъ, господамъ — все отличало ее.

Позднѣе туманъ таинственности разсѣвается, но тѣмъ не менѣе Татьяна остается личностью замѣчательною; она является, какъ говорится, бабой на всѣ руки: она первая на работѣ, первая въ хоровахъ или веселостяхъ, сваха на всѣхъ свадьбахъ. Все у нея кипѣло, все спорилось: примется ли жать, пѣть пѣсню или плясать, особенно на виду у господъ, она не только сама вездѣ въ головѣ, но умѣетъ всѣхъ подбить и одушевить. Одѣвалась всегда чисто. Избу держала необыкновенно опрятно; у нея самая ранняя разсада; у нея первые цыплята и огурцы. И всѣмъ этимъ она рада попотчивать и похвалиться, и всѣмъ рада услужить. Ну, за то и на зубокъ не попадайся: «одно слово — огонь баба», говорили мужики. Зовутъ ее Татьяной, иногда Татьяной Степановной; почему-то, вмѣстѣ съ ея именемъ, часто упоминаютъ старосту Панкратья...

Теперь Степановнѣ съ небольшимъ пятьдесятъ, но она вдругъ состарилась и, какъ говорится, хизнула; она страдаетъ удущемъ. Она овдовѣла, и живетъ одна, «божьей старушкой», какъ называетъ себя. Лечить, ворожить, богомольничаетъ,

даетъ совѣты, и, несмотря на то, что не терпитъ ни въ чемъ нужды и не оставляетъ хозяйства, любить, если ее считаютъ убогой старушкой, и подаютъ милостыню или зовутъ на поминанье: ей, кажется, въ этомъ случаѣ всего болѣе льстить почетъ и уваженіе, которымъ вообще пользуются у насъ набожныя старушки. Впрочемъ, она вовсе не ханжить, не собирается на дальнія богомолья, а если попадетъ въ веселый кружокъ, или выпьетъ рюмочку, такъ еще такія гусли разведетъ, что и молодыхъ заткнетъ за поясъ.

Я любилъ Степановну; особенно любилъ потолковать съ ней: она мастерски говорила, знала до нитки всѣ обычаи и повѣрья, и въ ней было, что особенно дорого, невычитанное и незаученное въ пѣсняхъ и стихахъ, какъ встрѣчается у разныхъ каликъ переходящихъ, но истинно-поэтическое отношеніе къ жизни и природѣ. Многія ея выраженія и мысли имѣли тотъ дорогой складъ и краску народной поэзіи, которыя сохранились только въ старинныхъ пѣсняхъ: разъ она съ нѣкоторой авторской застѣнчивостью мнѣ даже сказывала пѣсню, ею самой составленную. Но по складу это была не пѣсня, это были исполненные задумчивости вопросы души, къ чему она рвется и о чемъ тоскуетъ: эта практическая и пропедшая огонь и воду женщина имѣла свои минуты неясныхъ поэтическихъ порывовъ. Одно нехорошо: любила Степановна польстить, и ужъ какъ примется, то наговорить съ три короба; но кто же сердится за подобный недостатокъ?...

Войдя въ маленькую комнату, заставленную кроватью, сундуками, шкапчиками и увѣшанную по стѣнамъ модными и другими дешевенькими картинками, я нашелъ слѣдующую сцену:

За дубовымъ, всегда вымытымъ и вычищеннымъ столомъ сидѣла нянька моихъ братьевъ, невысокая, полная, хорошо сохранившаяся женщина, съ черными, повязанными покупчески волосами. вмѣстѣ съ наружностью экс-нянька сохранила, должно полагать, весь жаръ сердца, потому что все мечтала о женихахъ, и влюблялась въ разныхъ фельдшеровъ и писарей, несмотря на то, что недавно овдовѣла, пробывъ замужемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ сорокъ лѣтъ. Нянька была умная, услужливая и ловкая женщина, и пользовалась въ нашемъ холостомъ домѣ положеніемъ барской барыни, что не помѣшало ей впослѣдствіи, покорясь влеченіямъ сердца или темперамента, выйти замужъ за какого-то прощальгу-нѣмца, который обобралъ ее до нитки, и пропилъ всѣ ея деньжонки.

Передъ няней, на другомъ концѣ стола, сидѣла высокая, худощавая и нѣсколько сторбленная Степановна. На ней былъ

спній вѣнтайчатый сарафанъ, выложенный полинявшимъ басономъ, чистая ситцевая рубашка и платокъ на головѣ. Круглое, широкое и открытое лицо, несмотря на морщины, сохранило еще бодрый видъ и, что рѣдко случается у крестьянскихъ старухъ, свѣжій цвѣтъ. Вѣки на глазахъ, какъ я началъ ее еще помнить, были всегда припухлы и навислы, что придавало ея взгляду выраженіе добродушнаго лукавства; она говорила, что это случилось съ нею оттого, что однажды умылась божьей росой, да видно на нехорошую росу напала—извѣстно, что росы дѣйствительно бываютъ ядовитыя. Степановна держала въ горсти кучку бобовъ, и по движенію губъ и головы видно было, что она усердно напентывала на нихъ нелѣпѣйшій, который я зналъ отъ нея же, наговоръ.

— «Сорокъ бобовъ съ бобомъ, сорокъ братьевъ съ братомъ, царь и короли, и весь синклитъ»... подсказалъ я, входя сзади.

— Хи-хи-хи! Такъ, такъ, батюшка! подсмѣиваясь, сказала Степановна, вставъ и отвѣсивъ мнѣ низкій поклонъ.

— А ты все колдуешь: вѣдь это грѣхъ! сказалъ я.

— Нѣтъ, батюшка! горячо вступилась Степановна: — нѣтъ, на бобы не грѣхъ! Это гаданье по божескому, съ молитвой: не то, что на карты, али что другое.

— А о чемъ ворожишь? спросилъ я.

— А вотъ мнѣ: все о женихахъ ворожу! прикрывая шуткой правду и подсмѣиваясь, замѣтила нянька. — Ну, что же, рассказывай! обратилась она къ Степановнѣ, которая, разведя кучки, глубокомысленно соображала ихъ таинственный смыслъ.

— Да что, мать моя, сама видишь—хорошо вышло! Голова легка, сердце радостно — значить, въ своемъ удовольствіи... Нога на порогъ, словно будто ѣдетъ, или въ путь собирается.

— Нянюшка, пожалуйста-ка сюда, таинственно сказала дѣвочка, поварова дочь, заглянувъ въ дверь.

— Ну, что тамъ такое! съ неудовольствіемъ сказала няня, выходя въ дѣвичью.

— Смотри, ужъ не сбылась ли ворожба, сказалъ я Степановнѣ, которая была повѣренной всѣхъ тайнъ няньки, и одинъ разъ, чтобы только услужить ей, безкорыстно сходила цѣшкомъ верстъ за тридцать съ какимъ-то порученіемъ.

Степановна ухмыльнулась, и сдѣлала мнѣ знакъ, что не смѣетъ говорить.

— Ты побудь здѣсь, Степановна; я скоро вернусь! весело сказала нянюшка, войдя въ комнату и надѣвая платокъ. — Да нечего тебѣ дома дѣлать-то: почевала бы здѣсь, заговѣлась бы вмѣстѣ пельменами.

— Слушаю, матушка! Благодарю покорно. Останусь. Дома-то не дѣти ждуть: подперла коломъ, да и ушла всѣмъ дворомъ.

Нянька ушла, и Степановна, удостовѣрясь, что никто не слышитъ, таинственно сказала:

— Вѣрно съ заводу пріѣхалъ: ждала все! Вотъ, прости Господи, старыя кости да захотѣли въ гости!

Но кто-то въ это время вошелъ въ смежную комнату, и она тотчасъ замолкла.

— Ну, какъ поживаешь? спросилъ я.

— Живу, батюшка, пока мыши голову не отѣли. И все бы ничего, да вотъ только духъ коротокъ: чуть хожу, такъ и задохнусь.

— Чтò же ты не лечишься?

— Лечусь, батюшка, лечусь: сегодня начала укусъ пить.

— Чтò ты это, съума развѣ сошла! не выдержалъ я:—вѣдь это ядъ для тебя; ты просто себя отравишь.

— Э? неужто впрямь, батюшка? А мнѣ вотъ татары совѣтывали. Да какъ крѣпонькаго чего выпьешь, такъ какъ будто лучше.

— Не дѣлай ты этой глупости: вотъ пріѣдетъ лекаръ — я тебѣ дамъ знать, такъ съ нимъ посоветуйся, а теперь брось ты этотъ укусъ!

— Слышу, батюшка, брошу! Ахъ, я старая дурница: весь вѣкъ прожила, а ума не накопила; а я, признаться, и пришла-то сюда крѣпонькаго укусу у нянюшки попросить. Посоветуйте, батюшка, съ лекаремъ — много милости вашей...

— А вотъ, коль крѣпонькое помогаетъ, такъ рюмочку можно.

— Чтò вы? я не къ тому, сударь! Хи-хи-хи! Грѣшница, батюшка! У добрыхъ людей не отказываюсь.

Когда ей поднесли рюмку, она и мнѣ прочитала цѣлую рацию, и принесшаго мальчика поблагодарила, перекрестилась, сморщилась, и медленно выпила.

— Ну, чтò новенькаго? спросилъ я.

— Э-эхъ, батюшка! Какія у насъ новости! Васъ надо про новости спросить. А, впрочемъ, люди говорятъ, война будетъ безпремѣнно, убѣдительно прибавила она: — намеренныя такіе столбы на небѣ ходили, что страсть... Да, вѣдь вотъ вы, сударь, не вѣрите, а это вѣрная примѣта! Вамъ вотъ новости-то съ каждой почтой въ такихъ листищахъ присылаютъ, что страхъ. Ну, а мы народъ темный — откуда намъ новости-то узнавать? Такъ намъ Господь Богъ знаменія небесныя посылаетъ! А вамъ, вѣрно, еще ничего нынче не привозили изъ городу? спросила она.

— Да, нѣтъ еще.

— То-то, смотрю я давеча: сидите вы одни у оѣшечка со своими мыслями многотумными. Всѣмъ-то вы правомъ, какъ посмотрю я, въ матушку вашу покойницу, — дай ей Богъ царство небесное. Арѣметчица была, сударь, сказала Степановна убѣдительно и нѣсколько таинственно, вѣроятно, считая это высшею премудростью. — Бывало еще, въ барышняхъ когда была, сидитъ она себѣ или спросить что-нибудь, слушаетъ тебя, а все мыслями своими какъ будто въ мечтаніи находится, и все-то она такъ ласково и все-то она такъ тихо да любовно и вразумительно... Ну, а вотъ обликомъ-то вы въ прадѣдушка, Григорья Ларіоновича: высокій такой былъ, да спокойный, носикъ тоже большой имѣли.

Степановна напомнила мнѣ этими словами весь старый міръ, въ которомъ жила она. Мнѣ давно хотѣлось подробнѣе съ нимъ познакомиться.

— Послушай-ка, Степановна! давно ты обѣщала мнѣ рассказать всю свою жизнь съ самаго начала: ну-ка, не полѣнись — вѣдь дѣлать тебѣ нечего.

— Э-э хе-хе! сударь, что вы выдумали! А впрочемъ, батюшка, жизнь моя была пестренькая: много всего я произошла, много вытерпѣла, были у меня и радости, а еще того болѣе горестей; щепотка веселья да полны пригоршни слезъ. Извольте, батюшка, коль не скучно, все расскажу: чего мнѣ, старухѣ, дѣлать!

Степановна покашляла, осторожно прикрывшись рукой, и начала.

Родилась я, батюшка, на старинѣ, откуда всѣ наши мужики прадѣдушкой вашимъ на выводъ куплены. Мать моя, покойница, красавица была: такая бѣлая да румяная, а глаза каріе съ поволокой. А отецъ-то мой былъ человѣкъ не малый: при баринѣ въ довѣренности состоялъ и былъ при немъ первымъ, вотъ какъ бы теперь при васъ Петръ Емельянычъ (она назвала моего единственного слугу; ну, не очень-то важный человѣкъ твой отецъ, подумалъ я). И ходилъ онъ всегда въ камзолѣ, и при часахъ, большіе такіе серебряные часы — съ луковицу, а жилетка во все брюхо, вотъ почитай до сихъ мѣстъ, и косичка сѣденькая на затылкѣ — тогда еще съ косичками иные ходили. Былъ ужъ онъ немолодъ когда овдовѣлъ, да и влюбился въ мать-то мою, а она была просто изъ крестьянокъ, влюбился и женился. Женился онъ и жили они таково исправно, двоечко насъ дѣтей народилось: братъ Антонъ — извольте вы знать, что тѣтенькѣ вашей Вѣрѣ Сергѣевнѣ достался — да я, и еще были

мы маленькіе—онъ и умеръ. Вотъ померъ онъ, осталась послѣ него мать наша, молодая вдова, съ двумя дѣтьми. Старый баринъ въ тѣ поры къ молодымъ господамъ въ Москву переѣхалъ и прислалъ сказать: пусть, говоритъ, Марѳа гдѣ хочетъ жить: хочетъ — при домѣ, хочетъ — ступай на всѣ четыре стороны. Пожила мать моя съ годикъ во дворѣ, ну дѣло вдовье, опять же какое хозяйство у дворовыхъ: ни своего дома, ничего, и перешла она верстъ за пять въ село къ попу. Давно ужъ попъ-то ее звалъ: переѣзжай, говоритъ, ко мнѣ, Марѳа Семеновна, есть у меня добра довольно, а присмотрѣть некому; а былъ онъ вдовецъ, да зажиточный, и зазвалъ ее къ себѣ, значить, какъ бы экономкой — ну, а тамъ не наше дѣло судить.

Вотъ, сударь мой, зажили мы тутъ, какъ у Христа за пазухой: приходъ отца Онуфрія былъ большой, домъ какъ полная чаша, самъ ужъ онъ былъ немолодъ, а здоровый такой, борода широкая. А до матушки ужъ былъ, сказать нельзя, какъ радѣленъ. «Марѳуша» (это матушку-то мою); «не хочешь ли чайку». — «Марѳуша, ты бы пирожокъ изъ бѣлой муки затѣять велѣла!» И до черной работы ее не допускалъ: стряпуху держалъ. Вотъ жили мы такъ хорошо да привольно, только разъ и вздумай матушка на мельницу съѣздить, съ мельничихой повидаться: кстати же помолъ былъ, батракъ туда пшеницу везъ. Вотъ вздумала, батракъ лошадь запрягъ, — сѣла матушка на возъ и поѣхала, а онъ другую себѣ обряжалъ. Обрядилъ, собрался парень и поѣхалъ; только глядимъ, немного погодя: бѣжить блѣдный, и шапку потерялъ. — Что такое? что ты Гаврило? А Гаврило и говорить не можетъ, только рукой машетъ. Наконецъ собрался говорить: бѣда! Марѳу Семеновну возомъ пришибло! Ахъ, свѣты мои! поднялась тревога. Батюшки-то не было; кухарка, отецъ дьяконъ (рядомъ жилъ), дьячекъ, мы тоже бросились, глядимъ: съ версту этакъ, на косогорѣ стоитъ возъ на боку, а изъ-подъ него только ноги видны, прямо ей грудь-то всѣмъ возомъ придавило. Подняли возъ, а у матушки ужъ и духу нѣтъ: только кровь у рта запеклась. Батракъ-то говоритъ: «какъ увидалъ я ее, такъ еще ногами дрыгала; да говоритъ — испужался очень», — ну, да одинъ-то что и подѣлаетъ! Должно, говоритъ, лошадь — пугливая такая была, проклятая — испужалась чего, да въ сторону метнулась. Какъ узналъ это отецъ Онуфрій, да увидалъ матушку, такъ и грохнулся на земь — насилиу оттащили, да водой отлили; а потомъ схватилъ топоръ, пошелъ къ лошади и хлопъ ее обухомъ въ голову. Такъ и убилъ. «Чтобы глазъ мой, говоритъ, ее не видѣлъ». А лошадь-то сударь — ста полтора стоила!

Правду говорятъ пословица: отецъ съ матерью корабли строятъ, а Господь-Богъ потомочку плететь. Такъ-то и намъ: остался послѣ матушки большой сундучище всякаго добра и денегъ, можетъ статься, тысячи. Намъ-то мать не открывалась, — ну, чего, извѣстно, еще ребята были: мнѣ девяти годковъ не было, а брату и того меньше, — а сказывала послѣ дьяконова дѣвчонка: вхожу, говоритъ, я разъ въ вашъ амбаръ, а тетка Марѳа изъ корчаги въ корчагу все бѣленькіе да желтенькіе кружки пересыпаетъ — деньги-то, значить, — и видимо, говоритъ, ихъ невидимо — куча превеликая! И куда все дѣвалось — Богъ вѣдаетъ! Приѣхала изъ деревни тетка, взяла насъ, хотѣла взять и сундукъ, да батюшка не далъ: «сундукъ-то, говоритъ, мой!» а отдалъ ей кой-что изъ платья — въ коробъ сложилъ. Побранились, побранились съ теткой-то, да и все тутъ: денежекъ да береженья родительскаго — и слѣдъ простылъ! Онуфрію-то Марѳуша была мила, а денежки еще милѣе: ну, да извѣстно «завидушіе глаза», что ужъ и говорить!

Остались мы сироты горемычныя безъ крова, безъ пристанища. У тетки-то своихъ дѣтей полна изба — бѣдность голая; тетка была такая злая: всякимъ кускомъ попрекнетъ, да съ тукманкой его дастъ; — ну, да и будешь зла, коль и самой-то ѣсть нечего: крестьянъ-то у барина было много, а земли мало, отъ этого и продавали ихъ на выводъ. И стали съ братцемъ мы жить гдѣ день, гдѣ ночь, да кормиться мірскимъ подавніемъ: признаться, мы и привыкли, какъ у отца-то Онуфрія еще жили, за ржой да разными поборами по міру съ возомъ ѣздить; только тогда, любо нелюбо, всѣ намъ съ поклономъ да съ почетомъ, а коль мало дадутъ, такъ батюшка или мать еще и пристыдятъ, бывало, а теперь только именемъ христовымъ что выпросишь, и за сухую корку съ три короба благодати насылишь! Только какъ у тетки все колотушка да потасовка, и пріютились мы больше къ одному старому, старичку, — сродни намъ какъ-то по матушкѣ приходился; жилъ онъ самъ въ лачужкѣ; да рыбу удилъ или лапти плелъ — тѣмъ и промышлялъ, а добрый былъ — и призрѣлъ насъ. Стала я подростать; увидала разъ меня барышня, одна помѣщица въ сосѣдствѣ жила. Была она дѣвица и уже немолодая; приѣхала изъ Питера и жила одна-однѣшенька. Люди-то сказывали: влюблена тамъ была въ одного офицера, да онъ обманулъ ее. А сама была такая ласковая да печальная. Увидала она меня разъ — а я ужъ была на возрастѣ. — Чья, говоритъ, ты дѣвочка? — Я говорю, такъ и такъ, сударыня: сирота, у дѣдушки изъ милости живу. А дѣло было осенью; день-то холодный, а я въ одномъ сара-

фанпшкѣ да и тотъ чуть живъ, и выросла я изъ него, босая, локти-то худые. Разспросила меня; рассказала я ей все. — Ахъ, бѣдная, ахъ, бѣдная! переходи, говоритъ, ко мнѣ. — А какъ, я говорю, я, сударыня, дѣдушку оставляю? онъ меня пріютилъ, поилъ-кормилъ, а теперь я его оставляю? — Правда, говоритъ, душенька: ну, такъ ты приходи ко мнѣ чаще и за всѣмъ, что тебѣ нужно. Дала она мнѣ платье, подавала того сего, и съ той поры часто я бывала у нее; учила она меня уму-разуму, и помогала всячиной — дай Богъ ей колъ жива много лѣтъ здравствовать — а какъ умерла, такъ пошли Господи ея косточкамъ покой (Степановна взглянула на образа и набожно перекрестилась): во вѣкъ не забуду ее!

Ну, сударь, а тѣмъ временемъ прадѣдушка вашъ купилъ здѣсь земли у башкырѣ, да за долгъ съ какого-то татарина еще взялъ, понадобились ему крестьяне, и купилъ онъ у нашего-то господина на выводъ сто душъ. Послали сюда сначала передовыхъ — а потомъ и остальныхъ погнажи.

Какъ поднялись это переѣзжать, что было вою да плачу — и вспомнить, такъ слеза прошибетъ! Конечно, не больно дальняя палестина, всего верстъ ста три отъ старины-то будетъ, да вѣдь для мужика и то край свѣта; опять же свое пепелище родное покинуть, свою мать-землю кормилицу, сродниковъ всѣхъ, родительскія косточки... А здѣшняя сторона тогда слыла дикою, бусурманскою; ну, просто разставались какъ на смерть шли: извѣстно, гдѣ мужику али бабѣ на побывки пріѣхать, али письмо писать!

Вотъ уѣхали наши мужики; по деревнѣ-то словно смерть прошла, словно вымерла половина-то: всѣ такіе унылые ходятъ, у кого братъ уѣхалъ, у кого дочь, старые-то дворы заброшенные да пустыя стоятъ, — просто и не глядѣлъ бы! На что кажись, мое дѣло спротское, да вчужѣ за сердце хватало!

Только прошло этакъ съ полгода, слышу я — розъискиваютъ насъ съ братомъ... Прадѣдушка-то вашъ сталъ повѣрять сказки — анъ, нѣтъ двоихъ. Какіе такіе? справляться, а это мы съ братцемъ, — насъ и требуетъ: пришлите мнѣ, говоритъ, дворовыхъ сиротъ Антона и Татьяну. Ну, снарядили насъ, — а какіе сборы-то — все добро подъ мышкой унесешь, — нашли попутчика; распростилась я съ барышней, моей благодѣтельницей, — на прощанье-то она мнѣ платье еще дала, — и отправили прямо въ Оренбургъ: такъ прадѣдушка приказалъ.

Вотъ, сударь мой, идемъ мы путемъ дорогой, пріѣзжаемъ въ городъ — какъ бишь его, дай Богъ памяти — Бугурусланъ никакъ будетъ, Бугурусланъ, такъ и есть, — остановились зачѣмъ

то на базарѣ, и увидалъ меня городничій. А былъ мнѣ тогда ужъ шестнадцатый годъ, и была я изъ себя, не въ похвалѣбу сказать, не дурна. Держала я себя чисто — это барышня-то меня къ чистотѣ приучала — бѣленькая такая да румяная, правда, жидковата еще была, да веселая, ну, извѣстно, шестнадцать лѣтъ! Увидалъ меня городничій: чья, говоритъ, ты, милая? Я говорю: такъ и такъ — была такого-то господина, а теперь куплена такимъ-то, и ѣду къ барину. — А есть, говоритъ, у тебя бумага? Подводчикъ показалъ бумагу; посмотрѣлъ онъ ее: зайдите, говоритъ, въ полицію; примѣты что-то сомнительны.

Дѣлать нечего: пришли мы въ полицію, и онъ тамъ. Сталъ онъ поодиночкѣ всѣхъ къ себѣ требовать, обликъ такой дѣлаетъ, будто въ самомъ дѣлѣ бумагу свѣряетъ. Позвалъ и меня. Взошла я, а онъ и говоритъ: «что, говоритъ, тебѣ, милая, за охота къ помѣщику ѣхать; останься, говоритъ, здѣсь». — Какъ же, я говорю, такъ, сударь, господская я, и останусь здѣсь? Развѣ господинъ не потребуетъ меня? А онъ разсмѣялся: ну, да, говоритъ, это ужъ не твоя бѣда, схоронимъ тебя такъ, что и во вѣкъ помѣщикъ тебя не отыщетъ. — А братецъ какъ же? — Ну, а братца, говоритъ, отправимъ. — Нѣтъ, говорю, сударь, насъ всего двоечко съ нимъ на бѣломъ свѣтѣ: вмѣстѣ мы росли и жили, не разстанусь я съ нимъ! Больно я братца-то любила — да и не зачѣмъ мнѣ, говорю, оставаться здѣсь! Ужъ коль есть мы рабы, такъ видно намъ Господь Богъ такъ судилъ! Такъ и отказалась. Умасливалъ онъ, умасливалъ меня: очень ужъ ты мнѣ понравилась, говоритъ; однако я уперлась. Назвалъ онъ меня напоследокъ душой и отпустилъ.

Такъ мы и приѣхали къ вашему прадѣдушкѣ Григорію Ларионовичу. Утро еще было. День-то лѣтній. Встали мы рано, не дождая еще до городу; я прибралась, божьей росой умылась. Приѣхали. Доложили ему: велѣлъ онъ насъ позвать. Взошли; сердце-то у меня какъ у голубя — такъ и бьется. Вышелъ онъ къ намъ въ шлафрокъ на бѣлнчьемъ мѣху, такой у него былъ; высокій такой а степенный, а за нимъ высыпали три барышни: стоятъ обнявшись и смотрятъ на насъ. Оглядѣлъ онъ насъ, и говоритъ мнѣ: «хорошенькая, говоритъ, ты дѣвочка, а хорошо ли ты будешь служить?» Я говорю: «Мы, сударь, ваши рабы, не оставьте насъ вашей милостью, а мы служить вамъ по гробъ рады», да въ ноги ему. «О, говоритъ, да какая ты шустрая: гдѣ это ты научилась и что умѣешь дѣлать?» Я говорю: «Такъ и такъ—никакого за мной ремесла нѣтъ; а жила я около одной петербургской барышни». «Ну, говоритъ,

и прекрасно. Надпня, вотъ, говоритъ, тебѣ горничная!» Взялъ меня за руку и подводитъ къ тетенькѣ вашей Надеждѣ Сергѣевнѣ. Та покраснѣла, ручку поцаловала у дѣдушки; а онъ говоритъ: «Ну, говоритъ, дѣвочка, служи вѣрно, будь умна да послушна, и тебѣ будетъ хорошо. А ты, говоритъ, Надинька, будь къ ней ласкова да снисходительна: на первый разъ, говоритъ, коль что и не такъ сдѣлаетъ, такъ прости да научи! А о мальчуганѣ я подумаю. Ну, а теперь, говоритъ, всѣмъ снабдить да накормить. Ступайте!»

Намъ подали чай. Степановна каждую чашку, выпивъ, перевтыкала вверхъ доннышкомъ, клала на него огрызокъ сахара (она всегда пила въ прикуску), благодарила и отказывалась отъ слѣдующей, чтò не помѣшало ей повторить эту процедуру раза четыре. Кончивъ чай и отдохнувъ, она сочла нужнымъ спросить: «Не надоѣла ли я вамъ, батюшка?»

— Ты не устала ли, отвѣчалъ я: — а я радъ слушать!

— Э, батюшка, да развѣ бабы устаютъ, когда говорить? И не вѣрьте этому!

— Ну, такъ продолжай, просилъ я: — да главное, рассказывай про весь нашъ старый домъ — какъ жили въ немъ тогда.

— Слушаю, батюшка! Все, какъ на ладонѣ представлю, скромно замѣтила она и продолжала.

Въ домѣ-то жили тогда: Марѳа Матвѣевна, прабабушка ваша, жена, значить, Григорію Ларіоновичу, да сестры ея: Матрена Матвѣевна и Анна Матвѣевна. Матрена-то Матвѣевна при ключахъ была, а главной хозяйкой считалась Варвара Григорьевна, дочь Григорью Ларіоновичу; былъ еще сынъ у него Иванъ, да того чуть застала, ну, да еще молодья барышни: матушка ваша Марья Васильевна, да племянницы Варвары-то Григорьевны, сиротки, отъ старшей сестры ея: Вѣра Сергѣевна и Надежда Сергѣевна, а Андрей Сергѣичъ въ полку былъ.

Прадѣдушка-то вашъ Григорій Ларіоновичъ былъ человекъ разсудительный и справедливый; сердцемъ былъ строгъ, а не сердитъ. Служилъ онъ въ таможнѣ, и домъ у насъ былъ какъ полная чаша: чтò это мѣховъ, шалей разныхъ, сусы, * ягодъ этихъ, урѣку, кпшмишу! аллы-бухары цѣлые мѣшки въ выходѣ стояли; какъ начнется мѣна, такъ каждый вечеръ разнаго добра возамъ везутъ. А сказывали — былъ онъ человекъ некорыстный и народъ не обиралъ: «что слѣдуетъ мнѣ, то, говоритъ, подай,

* Бухарская шелковая матерія.

а лишняго я не требую». И въ городѣ всѣ его уважали и почитали, такъ и говорили: «умный и честный человекъ Григорій Ларіоновичъ: на его словѣ, какъ на каменной стѣнѣ, хоть домъ строй». И опять же обстоятельный человекъ былъ: встанетъ рано поутру, обяжетъ халатъ шелковымъ платкомъ и весь дворъ обойдетъ и все осмолитъ. Напьется чаю, заложитъ ему пноходца въ бѣговья дрожки и поѣдетъ онъ на мѣновой-дворъ. Оттуда пріѣдетъ, выкушаетъ рюмочку водки, и сейчасъ ему обѣдать подавай. Откушалъ—отдохнетъ, чаю напьется и опять все хозяйство обойдетъ и до всего дойдетъ. Любилъ, чтобы людямъ у него ни въ чемъ недостатка не было и чтобы всѣ были исправны. Дворня большая: садутъ ужинать лѣтомъ на дворѣ, а зимой въ застольной, войдетъ Григорій Ларіоновичъ, попробуетъ,—щипъ всегда съ бараниной, а баранина-то дешева—изъ орды-то что ее погонять на мѣну, а нашему-то и даромъ не мало приходило,—коли щипъ нехороши или въ застольной нечисто, сейчасъ «стряпца, что это у тебя?» и погрозитъ. Та ужъ и держать ухо востро. Али: «Иванъ, что у тебя рубашка въ дырахъ?» «Да, говоритъ, то-то и то-то дѣлалъ, да разорвалъ, или: холстъ гнилой». Григорій Ларіоновичъ разберетъ: коли дѣло говоритъ: «Матрена, отпусти ему»; а Матрена Матвѣевна,—позвольте чай помнить сестру-то прабабушки вашей—хлопотунья такая юркая да добрая была, она всѣмъ отпускомъ и провизіей завѣдывала,—та сейчасъ: «Слушаю, Григорій Ларіоновичъ». И потомъ осмолитъ онъ, кто что сработалъ, и на завтра работу всѣмъ задастъ. Коли ты не поймешь, разспроси: все расскажетъ обстоятельно;—ну, ужъ и дѣлай, чтобы такъ все было сдѣлано, не то не прогнѣвайся: рука была претяжелая, а не то на заднемъ дворѣ фить, фить, фить!

— А женскимъ хозяйствомъ заправляла жена его? спросилъ я.

— Нѣтъ, батюшка, Марѣѣ Матвѣевнѣ онъ волн не давалъ: «Ты, говоритъ, Марѣя, зла да глупа!» Да въ тѣ поры ужъ и устарѣла она, и только ей и дѣла было, что чай все пьетъ, а все презлющая была. Разсердится, бывало, на дѣвчонку—засунетъ ей пальцы въ ротъ, да и деретъ; только и усмиряли ее, что Григоріемъ Ларіоновичемъ страшали: боялась его. А хозяйствомъ при мнѣ всѣмъ заправляла бабушка ваша Варвара Григорьевна. Вы, чай, позвольте помнить Варвару-то Григорьевну: высокая и обликкомъ на отца, Григорья Ларіоновича, была сходственна, неговорливая, не то что сурова, а смѣху ея или улыбки я въ три года не видала. Говорятъ, съ молодую-то не такая была, да несчастье-то ее подѣло.

— Какое же несчастье? спросилъ я.

— А замужество-то ея! отвѣчала Степановна. — Оно, признаться, за долго до меня было, да вѣдь тоже рассказывали...

Въ это время, шаркая башмаками, взошла наша усердная, хлопотливая, но раздражительная и вѣчно будто бранящаяся ключница Нимфодора, которую звали обыкновенно Нимфушкой. Ничто не было страннѣе, какъ это имя, носимое сей толстой, переваливающейся съ ноги на ногу, особой.

— Это вы, слышь, приказали меду отпустить Спиридоньевнѣ? сердито спросила она.

— Я, Нимфушка, сказалъ я.

— Да давно ли ей давали? Этакъ вѣдь на нихъ не напаешься: у насъ у самихъ меду-то немного, а онъ нынче кусается!

— Да Спиридоновна просила: нездорова она, замѣтилъ я.

— Мало ли чего онѣ просятъ — всего и давай? А по мнѣ, пожалуй, хоть все раздайте — не мое добро!

Она повернулась, и хотѣла выйти, но, увидѣвъ Степановну, остановилась.

— А! ты здѣсь еще, барышня? Тоже чего-нибудь выгланчить?

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ! ничего мнѣ не надо! смиренно замѣтила Степановна. — Вотъ Дмитрій Петровичъ про старину спрашиваетъ. Да чего лучше, сударь, сказала она, обращаясь ко мнѣ, и кажется, желая подслужиться Нимфушкѣ: — вы про Варвару-то Григорьевну у Нимфадоры Дмитріевны лучше спросите: она при ней сизмалолѣтства находилась.

— Какъ же не находилась! Слава-Богу, съ дѣтства при ней жила, и въ Петербургѣ-то съ ней горе мыкала, отрывисто, и словно бранясь, замѣтила Нимфушка.

— Нимфушка! дѣло-то не уйдетъ: присядь, да расскажи, какія несчастія были съ бабушкой? сказалъ я.

— Я и постою: не очень люблю я сидѣть-то, сказала она въ пику сидѣвшей Степановнѣ. — Какія несчастія? Да развѣ не слышали вы, какъ она жила съ вашимъ-то дѣдушкой? словно рубила слова Нимфушка.

— Знаю я, что она жила въ разводѣ, а какъ, и изъ-за чего разошлись — подробно не знаю.

— Изъ-за чего разошлись? Разойдешься небось, какъ послѣдній съ тебя салопишка снимутъ, да день-деньской ссоры, да попреки!

— Да вѣдь бабушка, говорятъ, по любви вышла замужъ? замѣтилъ я.

— Чтѣ-что по любви! Красивъ былъ, да ловкій — ну, и вышла. Григорій Ларионовичъ говорилъ: «Варинька, Василій Ни-

колаевичъ человекъ заѣзжій: надо разузнать, каковъ онъ. Ты, говоритъ, не безприданница: въ дѣвкахъ не засидишься. Какъ бы послѣ не заплакаться!» «Власть ваша, говоритъ батюшка:— а я его люблю». Ну, посмотрѣли, посоветовались, а онъ говоритъ: «мнѣ командировка кончается — въ полкъ требуется возвращаться». Ну, согласился и самъ-то. Денегъ въ руки не далъ: буду, говоритъ, на житье высылать, что слѣдуетъ. Да въ Петербургъ послалъ съ ними свояченицу Матрену Матвѣевну, и меня далъ, а мнѣ 12 лѣтъ было. Ну, сначала и ничего, хорошо. Дочь родилась — матушка-то ваша. А тамъ мало-помалу и пошелъ: сегодня въ карты, завтра въ карты; сегодня на свѣту воротится, завтра всю ночь проиграетъ—денежки-то всѣ и спустилъ, да за вещи принялся. Все и спустилъ до чиста: глядь, до того дѣла дошли, что и выйти не въ чемъ, иной разъ и пообѣдать нѣ на что. Варвара Григорьевна его упрашивать, да умаливать, а онъ ей: «не досажай ты мнѣ! И безъ тебя мнѣ горько. Еслибы отецъ-то твой жадный отдалъ все приданое, мнѣ бы было съ чѣмъ подняться: я бы отыгрался, да, можетъ, горы выигралъ. Онъ, говоритъ, кашей, меня обманулъ!» Какъ вскипнѣла Варвара Григорьевна: «ты отца моего, говоритъ, не тронь! Лучше меня зналъ онъ тебя, что не отдалъ всего. Дочь у насъ есть: сами теперь голодаемъ, а тогда и ее пустили бы по міру!» Шире, да дале, шире да дале, и пошла рознь. Видятъ—дѣло-то худо. Матрена Матвѣевна стала деньги-то припрятывать; Григорію Ларионовичу написали, чтобы онъ письма высылалъ на ея имя. Что удастся припрятать, тѣмъ и сыты. Ну, а Василій Николаевичъ догадался, разумѣется, да и сталъ выжимать: то онъ ластится, то волосы на себѣ рветъ, да жизнь клянеть! Ну, когда дастъ она денегъ, или выиграетъ онъ, такъ ужъ такой веселый, да счастливый, что твой соловей. И нельзя сказать, чтобы онъ не любилъ ее: на колѣни станетъ передъ ней, руки цалуетъ; никогда, говоритъ, и картъ въ руки не возьму. А Варвара Григорьевна только ухмыляется печально, да поцалуетъ его: вѣры-то, значить, нѣтъ! Разъ воротился онъ домой ночью, блѣдный такой — прямо въ спальню, а я тамъ же спала, разбудилъ ее: «Варя, говоритъ, давай все, что есть—я на честь задолжалъ». Посмотрѣла она на него — «бери, говоритъ, все, мнѣ ничего не надо: вонъ, тамъ въ шкатулочкѣ». Отперъ онъ шкатулку — у самага руки дрожать — взялъ, что тамъ было: деньжонки, серьги брильянтовые — недавно тихонько выкупили ихъ—жемчугу нитки. «Мало, говоритъ — выпроси у скарёдной Матрены: у нея, я знаю, деньги есть».—«Нѣтъ, къ Матренѣ

Матвѣевнѣ не пойду: я, говоритъ, готова голодать, а дочь, да она не должны изъ-за насъ погибать». — «Ступай!» говоритъ. «Не пойду!» Какъ крикнетъ онъ: «ступай!» Она все молчитъ, а я такъ и дрожу подъ одѣялишкомъ. Подбѣжалъ онъ къ ней, поднялъ руку... а она бровью не шевельнется: смотритъ на него, и не мигнетъ. Схватилъ онъ себя за волосы: «загубили, говоритъ, вы, тряпичники, съ отцомъ меня со своимъ! На такой ли курацапкѣ жениться я могъ!» Схватилъ, что было, и ушелъ. Барыня не плачетъ, а только съ открытыми глазами, какъ статуя, лежитъ. Ну, и ничего. Пришелъ къ полдню, подулся, сталъ послѣ заговаривать, мириться. Барыня и не сердится; только холодная вся, и лицо у нея осунулось, да словно отвердѣла она. Прошло мѣсяца съ два — получаютъ письмо отъ Григорья Ларіоновича: заболѣлъ, де, онъ отчаянно, и хочетъ проститься съ дочерью, да наградить ее. Потолковали. Отпустилъ ее Василій Николаевичъ съ Матреной Матвѣевной и дочерью — больше для надежды приданое получить. Выѣхали мы, да сейчасъ же съ большаго-то тракта на Ярославль, да окольными путями, чтобъ не одумался, да не вернулъ! Приѣхали въ Оленбургъ къ Григорію Ларіоновичу; встрѣтилъ онъ насъ здоровѣхонекъ, потому — все это только отводъ былъ. Обнялъ онъ Варвару Григорьевну горячо, заплакалъ, а ни словомъ не попрекнулъ. Такъ она съ этихъ поръ и осталась у него — ни мужняя жена, ни божья вдова. Вотъ и вся недолга! Ну, да некогда мнѣ! Пусть она сказки-то рассказываетъ, да Лазаря поетъ!...

Нимфушка кивнула на Степановну, повернулась и ушла, шаркая ногами.

Степановна посмотрѣла ей въ слѣдъ, покачала съ соболѣзнованіемъ головою и, удостовѣряясь, что ее уже не услышатъ, сказала какъ бы про себя:

«Э-х-хъ, злоба-то, злоба-то! А еще свой братъ, раба! Господинъ жалуетъ, а ей куска жаль! Ахъ, поразсказала бы я, да не наше дѣло!...»

Степановна приостановилась, какъ бы ожидая поощренія, но не услыхавъ его отъ меня, набожно вздохнувъ, замѣтила:

— Ну, да не осуждай и осужденъ не будешь! — Такъ что же, врать, что-ли, далѣ-то, батюшка?

— Разсказывай, Степановна, — коли не устала!

Степановна продолжала.

Много слезъ пролила я отъ бабушки вашей, покойницы: всю жизнь мою перевернула она, а — грѣха на душу не возьму —

худаго про нее сказать нечего. Какъ пріѣхала она изъ Питера, а не задолго, слышь, передъ тѣмъ померла Прасковья Григорьевна—старшая-то сестра ея—да оставила двухъ дочекъ да сына; ну, и своя дочь, и всѣ остались на ея рукахъ. Григорій Ларіоновичъ призвалъ ее и говоритъ: «ну, Варинька; жена, говоритъ, стара, да и принять по нынѣшнему никого не можетъ (а чего принять по грамотѣ-то не знала, только что дѣвкамъ ротъ драть умѣла); такъ ты будь имъ за мѣсто матери и хозяйкой въ домѣ». Такъ и стала Варвара Григорьевна хозяйкой, и подлинно всѣмъ племянницамъ за мѣсто матери! Ну, конечно, къ своей дочерн, чай, больше сердце лежало, а и виду не показываетъ, и не отличить, кто дочь, кто племянница: ей—платье и имъ—платье, ей—учитель и имъ—учитель. И женщина была молодая, въ самой порѣ, а чтобы про нее что услыхать глупости какія—ниже, ни! Холодная всегда да спокойная: улыбки ея не видалъ никто. Мужъ часто писалъ къ ней, и какъ, слышь, убивался; она и писемъ не читала, не то что отвѣчать. Разсердить ее кто, бывало, или что набѣдокурить, и голосу не возвыситъ, а только взглянетъ на тебя или спросить: «что это?»—такъ поджмется и задрожать! И всегда разспроситъ твои оправданья и все выслушаетъ до конца, а тамъ и распорядится, и ужъ милости не проси, и не разговариваетъ! Развѣ барышни, особенно матушка ваша, покойница, ангель этакой добрый—нѣтъ-то нѣтъ упрости ее. Однако, коли братъ-то ея, Иванъ Григорьевичъ, что набѣдокурить, все къ ней: она его много разъ передъ отцомъ отстаивала, ну, да не прикрыла однако!

— А бѣдовый былъ онъ, говорятъ? спросилъ я.—Помнишь ты его?

— Какъ не помнить, сударь! При мнѣ и ссора-то его съ отцомъ была! И не приведи Господи! и вспомнить-то страшно! Что это былъ за человѣкъ, и въ кого онъ только уродился! Живу я,—какъ пріѣхала-то на другой али на третій день, вижу: разъ, ранымъ-ранехонько, входитъ въ калитку какой-то человѣкъ, молодой да здоровый, въ сюртукѣ, и весь-то онъ въ пуху да грязи, небритый да оборванный, лицо красное и глаза налитые, словно лопнуть хотятъ. Попался ему Андрей кучеръ.

— Гдѣ, говоритъ, самъ?

— Чай, должно, кушаетъ, говоритъ Андрей, а самъ не глядитъ на него, не поклонится ему. Ничего. Тотъ ни слова не сказалъ, только, поровнявшись съ людскою, свиснулъ. А на свистъ бѣжитъ Алешка, мальчишка худой такой да забитый, а разбойникъ страшный, и отправились съ нимъ во флигель на заднемъ дворѣ.

— Кто это, Андрей Потапыч? спрашиваю я.

— Не знаешь развѣ, говоритъ, сахара-то нашего, Ивана Григорыча. Это, говоритъ, нашъ молодой баринъ. Баринъ! Э-эхъ! говоритъ, и, не досказавъ, только рукой махнулъ.

— Ну, думаю про себя, хорошъ баринъ! иначе ничего, молчу. Значитъ, не мое дѣло.

Прошло такъ съ мѣсяцъ или два, слышимъ мы, больно закутилъ нашъ Иванъ Григорычъ. И купилъ онъ все съ казачьими малолѣтками: у него и она-то была казачька. Ужъ что слышь, и до прежде того не дѣлалъ съ нимъ Григорій Ларіоновичъ: и резоны-то разные представлялъ, и запиралъ его,—ничего не беретъ, и замки не держать; денегъ нѣтъ, всю одежду съ себя долой.

Разъ присылаетъ за старымъ бариномъ Семенъ Семенычъ Бандуристовъ: можетъ, слышали, что при князѣ правой рукой былъ и такія дѣла дѣлывалъ, одно слово, всей стороною орудовалъ, важнѣе князя былъ, и богатство нажилъ несмѣтное. И всѣ Семенъ Семеныча пуще огня боялись: онъ казнить и милуетъ. Прислалъ Семенъ Семенычъ,—нашъ сейчасъ фракъ надѣлъ, и къ нему. Приѣзжаетъ оттуда Григорій Ларіоновичъ бури чернѣй, и ничего не говоритъ: ходилъ, ходилъ по горницѣ—привычка у него такая была, коли разсердится—«позвать, говоритъ, ко мнѣ Ивана!» Искать, поискать, а Иванъ, слышь, съ бануна еще и домой не приходилъ; ну, а ему доложили только, что дома нѣтъ. «Какъ явится—сейчасъ, говоритъ, ко мнѣ его!» Только и словъ его въ этотъ вечеръ было. Молодая барыня, Варвара Григорьевна-то, знаетъ отцовскій ндравъ, ни слова и не говоритъ; ну, а Марѳа Матвѣевна, материнское тоже сердце—какъ курица забѣгалась, заглядываетъ въ глаза Григорью-то Ларіоновичу, семенила, семенила, и спросила-таки, наконецъ: «что, Григорій Ларіоновичъ, али опять чѣмъ Ванюша прогнѣвалъ?» А Григорій Ларіоновичъ только взметнулъ на нее глазами, и ни слова. Марѳа Матвѣевна и язычекъ прикусила, только на насъ въ дѣвичьей, и то въ тихомолку, сердце сорвала.

И стала въ домѣ тишина: точно передъ грозой притихли всѣ...

На утро, можетъ, сердце у самого-то бы и отошло: извѣстно, ночь—мать наша, успокоительница, да на грѣхъ въ самую что ни на есть полночь бѣдокуръ-то пьяный-распьянехонькій боть въ ворота, и пошелъ стучать. Выбѣжалъ караульщикъ. «Что, говоритъ, вы дѣлаете: тятенька и такъ во гнѣвѣ, васъ спрашивалъ». А онъ ему: «Тятенька! Погубитель онъ мой, а не тятенька! Вотъ какъ я его боюсь!» Схватилъ камень, да хватъ имъ въ ста-

вень, въ самую-то спальню его! Глядь, немного погода, ставень отворплся, поднялся подъёмъ, и высунулся Григорій Ларіоновичъ.

— Кто, говоритъ, это стучитъ?

Дѣлать нечего, караульщикъ сказалъ: «Иванъ Григорьичъ».

— А! говоритъ. Ничего больше и не сказалъ, и окошко закрылъ...

На другое утро, чѣмъ свѣтъ, Варвара Григорьевна сама къ брату ходила, видно уговаривала его; а онъ, слышь, знай на томъ стоитъ: «не покорюсь!» Только и дѣла сдѣлалъ: у сестры рюмочку выпросилъ опохмѣлиться.

А вся рознь, главное, вышла пзъ-за того, что Иванъ-то Григорьевичъ влюбился сченно ужъ въ казачку, хотѣлъ все жениться на ней да въ казаки записаться: «хочу быть вольнымъ казакомъ, а не куроцапомъ!» говоритъ.

Григорій Ларіоновичъ-то, разумѣется, воспротивился: денегъ ему не даетъ; прокляну, говоритъ, тебя. А тотъ не унялся да и пошолъ съ казачьями малолѣтками кутить: у мамочки своей и днюетъ и ночуетъ. А послѣднее-то время съ малолѣтками, говорятъ, затѣяли чего-то, да и на казачкѣ-то въ Бердѣ жениться хотѣлъ, а тамъ такой былъ попъ, что за синенькую хоть съ козой повѣнчаетъ. Семенъ Семенычъ провѣдалъ все, призвалъ къ себѣ нашего и отпѣлъ ему: «что, говоритъ, вы за отецъ, коли сына усмирить не можете!» — Послѣ это все узнали мы...

Ну, потребовалъ Григорій Ларіоновичъ сына къ себѣ, заперся съ нимъ въ кабинетъ, и что у нихъ тамъ было, Богъ ихъ знаетъ. Марѳа Матвѣевна въ это время только бѣгаетъ да всякому образу поклоны кладетъ. Вышли оба блѣдныя, пидо трясутся. Только Григорій Ларіоновичъ, что тамъ у него на душѣ не было, а ндравъ свой выдержалъ; ничего не любилъ сгоряча дѣлать, такъ и тутъ — обошелъ все хозяйство, какъ-будто ни въ чемъ не бывало; только, слышь, что ему ни говорили въ то утро, словно онъ не понималъ, али память у него отшибло. Потомъ велѣлъ дрожки заложить и поѣхалъ къ князю.

А князь чудакище былъ, чай, изволили слышать, а барина нашего очень уважали, и барышнямъ нашимъ, особенно матушкѣ вашей, покойницѣ, всегда, какъ мимо идуть, такъ изъ кармановъ фуфайки орѣховъ или конфектъ пригоршню всунетъ и въ лобъ поцалуетъ.

Воротился баринъ; часу не прошло, глядь, увезли куда-то нашего чудодѣя, а на другой день слышимъ — лобъ забрили! Отецъ за непослушаніе въ солдаты отдалъ! Господи! что тутъ было слезъ да вытья, и все втихомолку отъ Григорья Ларіоновича —

страсть! Только черезъ недѣлю, какъ привезли Ивана-то Григорича прощаться да въ сѣрой шинели — его на линію, значить, въ дальнюю крѣпость угоняли — тутъ ужъ старуха-то не разбираючи выла. Не любила мы ее, а тутъ и наше сердце дрогнуло, просто смотрѣть жалость! то къ сыну-то подойдетъ, бросится ему на шею да умаливаетъ его просить прощенія у отца; то къ самому-то — а онъ въ кабинетѣ заперся — упадетъ у двери да голосомъ воетъ, да причитаетъ: «Батюшка, Григорій Ларіоновичъ, прости ты его». Старушки-то, тетки-то: Матрена Матвѣевна, Анна Матвѣевна также воютъ. Молодая барыня, Варвара Григорьевна, собрала барышень, и всѣ на колѣни у дверей встали и начали молить Григорія Ларіоновича. Долго онъ не отзывался, да видно доняло его — не въ терпежъ, значить! растворилъ онъ двери, всѣ-было къ нему, а онъ: «Довольно, говорятъ, не то прокляну!» Такъ всѣ и замерли!

Ушелъ и опять заперся!

А Иванъ Григорьевичъ словно каменный: его уговариваютъ — проси прощенія у отца, а онъ только ухмыляется. «Пусть, говорятъ, издѣвается надо мной, а ужъ я его тѣшить не буду! Не покорюсь!» Такъ съ тѣмъ и ушел!

И стала въ домѣ тишина да печаль. Словно покойникъ на столѣ: ни слова веселаго, ни пѣсенки, все шопотомъ да вздыхаючи, да слезы утираючи! А тутъ, съ недѣлю спустя, приходитъ утромъ женщина, молодая, высокая да статная, и ребенка у нея на рукахъ.

— Кого тебѣ, матушка, надо?

— Да Григорія, говорятъ, Ларіоновича.

— Зачѣмъ?

— До нихъ самолично дѣло имѣю.

Доложили Григорію Ларіоновичу. Выходить.

— Что, говоритъ, тебѣ, милая?

— А вотъ, говоритъ, что: сгубилъ ты сына своего, бери и внука!

Взяла, да ребенка швыркъ ему на ларь; повернулась да и была такова.

И на что Григорій Ларіоновичъ уменъ и ндравенъ былъ, а тутъ словно голову потерялъ. Призвалъ старухъ своихъ: «Вотъ, говоритъ, такъ и такъ, дѣлайте какъ знаете!»

Послѣ сколько хлопотъ-то съ ребенкомъ было: два раза посылали его — не беретъ; ужъ Матрена Матвѣевна сама его отвозила, да насилу-насилу уговорили взять и старикъ ей сто рублей послалъ...

Одначе съ того времени сталъ Григорій Ларіоновичъ все заду-

мываться, да задумываться, а тамъ хворать да расхвариваться, и сваллся. Лекаря разные лечили, самъ штабъ-лекаръ ѣздилъ; ну, да ужъ божье посѣщенье придетъ, такъ не отлечишься. Стало плохо ему совсѣмъ, призвалъ онъ благопріятелей: Ивана Ивановича Тарарыкина, да Максима Петровича Пыжова и при нихъ завѣщалъ: «Все, говоритъ, имущество дочери моей любезной Варварѣ, чтобы она, говоритъ, имъ владѣла и внучать моихъ обдѣлила сама. А ты, говоритъ, Максимъ (племянникъ ему приходился), помогай ей». Стали они за сына просить — помрачился онъ: «Нѣтъ, говоритъ, сына у меня! Не затѣмъ я копилъ, чтобы все онъ на вѣтеръ пустилъ, а хочетъ Варя — пошлетъ ему что!» Больше и говорить объ немъ не велѣлъ. Причастился, особоровался, призвалъ къ себѣ всѣхъ дворовыхъ и со всякимъ-такъ до малаго ребенка простился и всѣхъ обдѣлилъ, и мнѣ — дай Богъ царство небесное — рубль пожаловалъ, тогда вѣдь это деньги большія, сударь, были, — и всѣхъ благодарилъ за службу, и наставленія давалъ, и просилъ служить дочери и внукамъ. А потомъ, къ вечеру и померъ! Хорошо, померъ, батюшка! Дай Богъ всякому такъ умереть. И похороны какія были! Этакихъ похоронъ, кажется, и не бывало: поповъ однихъ семнадцать человѣкъ было, со всѣхъ, почитай, церквей, и гостей видимо-невидимо. Много званыхъ, а много и незваныхъ провожали: для того — былъ человѣкъ почетный и правдивый человѣкъ, всѣ уважали его. И самъ князь — онъ боялся покойниковъ — своего, что ни есть перваго адъютанта прислалъ!

— Ну, а сына-то послѣ воротили?

— Нѣтъ, батюшка! Стала хлопотать Варвара Григорьевна; пока писали да справлялись, увѣдомляютъ — померъ, говорятъ: слышно было — совсѣмъ спился; такъ съ вина и Богу душу отдалъ!

Похоронили покойника; сначала потужили да поплакали, а потомъ и попривыкнули, и поразвлекаться начали, — извѣстное дѣло, живой о живомъ и думаетъ; а въ дому тоже двѣ невѣсты, да и третья на возрастѣ. Матушкѣ-то вашей, Марьѣ Васильевнѣ, семнадцатый годъ пошелъ и Вѣрѣ Сергѣевнѣ тоже — онѣ ровесницы были; ну, а моей Надеждѣ Сергѣевнѣ еще пятнадцатый былъ. А тутъ пріѣхалъ изъ полку офицеромъ Андрей Сергѣичъ, — выписывали его, какъ Григорій Ларіонычъ заболѣлъ, да опоздалъ. Начали къ намъ молодые господа ѣздить: ожилъ домъ пуще прежняго! А особенно этотъ Андрей Сергѣичъ: съ барышнями, что бывали въ гостяхъ у нашихъ, ну,

такъ съ тѣмъ онъ не очень, особенно сначала, не больно ловокъ и застѣнчивъ былъ; а ужъ съ нашей братьей просто огонь—всѣхъ перевертѣлъ! Жилъ онъ въ особомъ флигелькѣ, гдѣ Иванъ Григорьичъ прежде жилъ; призоветъ туда гостей, да тихонько за нами! Ну, мы будто за какимъ-то дѣломъ; иной разъ—дѣло молодое—сама что-нибудь придумаешь али словно нечаянно зайдешь, а тамъ орѣшечковъ да пряничковъ, а не то и сладкой водочки, и пойдетъ дымъ коромысломъ! Я-было сначала, хоть и бойкая была, а держала себя осторожно. Какъ замѣтилъ это онъ, и пуще ко мнѣ присталъ: чуть куда отвернешься, глядь, ужъ и онъ тутъ! ловокъ былъ! А то часто, — выдумаетъ же вѣдь проказникъ,—коль я взойду къ старой барынѣ, а онъ ей: «бабушка, у меня грязень полъ очень, прикажете вымыть». А Марѳа-то Матвѣевна: «да вотъ подстега! (она никогда по имени насъ не называла, а все какъ бы обругать) вишь, съ жиру-то рожа лопнуть хочетъ,—пусть вымоетъ!» Ну, и пойдешь мыть; а ужъ извѣстно, какое мытье, — грѣхъ одинъ!

И привязалась-было я къ нему очень: извѣстно, дѣвчонка молодая! А онъ то къ той, то къ другой — такъ и ревность возмущаетъ. Иногда сдѣшимся мы изъ-за него, разбранимся промежъ себя, а ему любо. И сколько онъ спокою меня лишалъ, и такъ разъ огорчилъ, что, какъ уѣзжалъ онъ, и жаль-то мнѣ его, и убить бы его готова! И злюсь я на него, а у самой слезы такъ и льютъ, такъ и льютъ!

Въ тѣ поры, вскорѣ послѣ его отъѣзда, слышимъ — свадьба у насъ затѣвается: Петръ Иванычъ посватался къ вашей матушкѣ. Давно ужъ онъ ѣздилъ, еще при покойникѣ Григорьѣ Ларіонычѣ, и тотъ любилъ его; и знали всѣ, что онъ на барышню мѣтитъ, однако все онъ себя не объявлялъ. Правда, благопріятели закидывали за него слова, да имъ все говорили, что подождать надо, молода еще барышня. А тутъ сталъ за барышней увиваться — можетъ, слыхали — Пандуровъ, Степанъ Степанычъ, военный, да такой ловкій былъ и ужъ первый плясунъ: во всякихъ танцахъ произошелъ. Ну, а Петръ Иванычъ тихій да степенный, и опять же, не такъ чтобы молодъ — ужъ ему лѣтъ тридцать пять али восемь было, собой тоже не боекъ былъ, и сталъ опасаться, что собьетъ барышню Пандуровъ. О нихъ ужъ въ городѣ и говорить начали. Былъ у князя балъ съ машкерами,—переряженными, значить. И выдумай же этотъ Пандуровъ: нарядился охотникомъ и за спиной сношъ большущій соломѣ несетъ, а изъ соломѣ-то женскія ноги въ башмакахъ торчатъ, — право, сударь! малой проказникъ! А всѣ и

говорятъ: «это, говорятъ, онъ у Ларионова внучку утащилъ». Ну, а у Петра Иваныча, я чай, кошки на сердцѣ сребруютъ: любили они очень барышню, сейчасъ замѣтно—такъ въ глаза ей и смотрятъ, и только думаютъ, чѣмъ бы ей угодить или мысли ея отгадать. Ну, опять сами же видятъ, что противъ Пандурова, хоть тотъ, можетъ, и нестоющій человѣкъ, а имъ трудно совладать. Однако, рѣшились и объявили себя. Говорятъ Варварѣ Григорьевнѣ: такъ и такъ, давно я люблю Марью Васильевну, могу ли я ее за себя получить?

Варвара Григорьевна и говоритъ Марьѣ Васильевнѣ: что, говорятъ, Машенька, Богъ судьбу тебѣ посылаетъ: Петръ Иванычъ руки твоей проситъ. Онъ, говоритъ, конечно, супротивъ иного не выкажетъ себя, а мы всѣ его давно знаемъ: человѣкъ онъ хорошій и обстоятельный, и любитъ тебя давно. Я тебя не неволю, а подумай ты хорошенько: это прочный, говоритъ, человѣкъ. Марья Васильевна, голубка этакая кроткая да прелестная, можетъ, у нея мечтанія-то и другія были, однакожь подумала, подумала: «что же, говоритъ, маменька, Петръ Иванычъ хорошій человѣкъ; онъ, можетъ, мое счастье сдѣлаетъ»—и согласилась.

Какъ только Петру Иванычу объявили объ этомъ, у него даже слезы брызнули!

И чудное, сударь мой, дѣло! Прежде у Марьи Васильевны къ Петру Иванычу никакого пристрастія не было, и еще сама часто подсмѣивалась надъ нимъ; а тутъ, какъ помолвили ихъ, словно обошелъ Петръ Иванычъ нашу барышню! Чуть его долго нѣтъ, ужъ барышня отъ окна не отходитъ: «что это Петръ Иванычъ не идетъ? Да не случилось ли чего съ Петромъ Иванычемъ?» А какъ взойдетъ онъ, такъ всѣ щечки и загорятся. Правда, говорятъ, вѣщунъ сердце: или, видно, ей Господь за ея доброту такъ на душу положилъ, что выбрала она Петра Иваныча. Вамъ извѣстно, сударь, что она за нимъ двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ за каменной стѣной, прожила въ мнрѣ да тишинѣ, душа въ душу, да, чай, и на томъ свѣтѣ Господь ихъ, по добродѣтели ихней, соединить!

Ну, какъ затѣялась свадьба, Рансу горничную, что жила въ домѣ-то Петра Иваныча, — это ужъ Анна Матвѣевна наметнула ему, — сейчасъ же на телѣжку и отправили къ сестрѣ Петра Иваныча, куда-то на фанюсть. Начали къ намъ чаще барышни ѣздить, приданое шить, и къ тому же случаю въ ефто самое время Елена Константиновна — она съ Марьей-то Васильевной такія ужъ подруги были, вѣчно вмѣстѣ — и ту помолвили за Павлищева Пгнать Ильича, и пошло пирова-

ніе... То наши къ нимъ, то они къ намъ, а больше у насъ бывали. Женихи оба приѣдутъ, съ ними шафера, подружки барышни, и насъ тутъ же посадятъ — приданое шить, да пѣсни пѣть, закусокъ что наставятъ, да конфетъ навезутъ — превеселое житье! Между молодѣжью-то, замѣчаемъ, зачастилъ Семеновъ, одинъ офицеръ, онъ съ Павлицевымъ-то былъ друженъ: тотъ его такъ шаферомъ своимъ и назначилъ. Зачастилъ онъ, зачастую, и все около Вѣры Сергѣевны. А былъ онъ изъ себя такой строгій, а красивъ: глаза черные, волосы черные, и въ лицѣ ни кровинки. И нѣтъ того, чтобы онъ побалагурить или посмѣшить, а любили его: умный, преумный былъ. И все барышнѣ книжки возилъ; али сядетъ, гдѣ — въ сторонкѣ, съ ней и начнетъ ей рассказывать что, а она такъ и вопьется въ него глазами. Ну, и она была по немъ: хлѣбомъ ее не корми, а книжки давай; и нѣтъ ей ни до чего дѣла: ни до нарядовъ, ни до пересудовъ, — извѣстно, дѣвушки промежъ себя мало ли говорятъ, а все-то она такая спокойная да тихая. И видимъ мы — влюбились они промежъ себя, и барышни всѣ стали замѣчать. Нѣтъ Семенова, — кто дверью стукнетъ, наша Вѣра Сергѣевна такъ и вздрогнетъ; взойдетъ онъ, у нее и глаза заиграютъ: ну, а намъ какъ не примѣтить! Только недолго ихъ счастье было: сама ли ужъ догадалась Варвара Григорьевна, али шепнулъ ей кто, — она и говоритъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ: «чтобъ у меня, говоритъ, этого не было: онъ тебѣ не женихъ! Сама, говоритъ, я вышла за этакого — а Семеновъ-то, на бѣду, также заѣзжій изъ Петербурга былъ — да натерпѣлась горя, и тебя должна отъ него сохранить; да онъ, говоритъ, и жениться не думаетъ. И выкинь, говоритъ, ты его изъ головы: вотъ тебѣ мой совѣтъ и приказъ!» И сама стала смотрѣть за ними. Свадьбы же кончились; Марья Васильевна въ свой домъ переѣхали, Павлицевы въ деревню свою уѣхали: негдѣ нашей парочкѣ видѣться. Придетъ Семеновъ къ намъ, а барышнѣ приказъ — и не показываться. Побывалъ разъ-другой, замѣтилъ, и ходить пересталъ. А тутъ слышимъ: ѣдетъ Семеновъ назадъ въ Петербургъ.

Какъ узнала это наша барышня, лица на ней не стало: ходитъ какъ въ воду опущенная! Извѣстное дѣло, сердце молодое; а ей, бѣдняжечкѣ, ни видѣться съ нимъ, ни проститься нельзя... И наканунѣ самаго отъѣзда какими-то судьбами передалъ онъ ей, что, говоритъ, черезъ вашу холодность уѣзжаю я. Ужъ это я послѣ узнала. А тутъ, видимъ, заперлась наша барышня въ горницѣ и не выходитъ весь день, головой жалуется. Только, въ сумерки, отзываетъ меня горнич-

ная ея Матрена и говоритъ: «будешь ты у Лиморантьева?» — А Лиморантьевъ адъютантъ былъ у князя, и съ Семеновымъ вмѣстѣ жилъ. А я — что дѣлать, батюшка, грѣшное дѣло — съ Лиморантьевымъ знакомство имѣла. И красавчикъ такой былъ этотъ Лиморантьевъ!...

— Нѣмецъ онъ былъ? спросилъ я, чувствуя, что Степановна перевирала фамилію.

Но Степановна иначе поняла вопросъ мой.

— Нѣмецъ, батюшка, — только вы не подумайте, что нѣмецъ грѣха прибавляетъ! Нѣтъ: еще тутъ грѣха сбавляется, потому — могу нехристіанскій плодъ въ христіанство ввести! а вотъ съ нѣмкой или бусурманкой какой мужичинѣ знакомство имѣть — грѣхъ великій. Это вы замѣтите себѣ, батюшка, потому — можете душу плода вашего загубить. Да, сударь, это вѣрно, прибавила Степановна съ полнымъ убѣжденіемъ! — Такъ вотъ, продолжала она, спрашиваетъ Матрена: «будешь ты у Лиморантьева?» Я говорю: «не знаю, а что?» — «Передай, говоритъ, безпремѣнно эту записку Семенову; да чтобъ знала только ты, да я!» У меня, говоритъ — на барышню глядя, сердце изболѣло, убивается, что «уйдетъ, говоритъ, онъ и подумаетъ, что я измѣнила ему, а не знаетъ подневоли моей!» — Ужъ я, говоритъ, сама уговорила ее: напишите вы къ нему, а какъ доставить — мое дѣло. — «Смотри же, говоритъ, обдѣлай!» — Ну, надо услужить. А я съ Матреной, какъ двѣ сестры жили. Вы, чай, изволите помнить ее: высокая такая да красивая. Сама она нигуда не ходила, а была влюблена въ нашего же Степана. И сватался за нее Степанъ, и въ ногахъ у Варвары Григорьевны валялся, но она не соглашалась: «нельзя, говоритъ, Степанъ, потому ты за Настенькой назначенъ, а она за Вѣрочкой. А вотъ, говоритъ, тебѣ мужъ — братъ Степана: онъ тоже Вѣрочкѣ отданъ.» — Такъ за брата и отдала, какъ ни билась Матрена! — «Ножъ, говоритъ, тебѣ въ бокъ вонжу, а твоя не буду!» — А онъ говоритъ: небось, не вонзишь! Я бы самъ, говоритъ, радъ отъ тебя отвязаться, да велятъ, такъ на сатанѣ женишься. — Такъ и промаялся весь вѣкъ! Вотъ только я, сударь, записку взяла, и ночью шмыгъ къ Лиморантьеву. Увидала тамъ Семенова, ни слова не говоря, и отдала ему. Какъ прочелъ онъ ее — «скажи, говоритъ, ты барышнѣ, что великій камень сняла она съ души моей. Вѣкъ я буду любить и помнить ее, а нашей разлучницѣ Богъ судья! Пусть не поминаетъ, говоритъ, меня лихомъ, а мнѣ теперь себя беречь не для кого!» — Я ему говорю: «нѣтъ, сударь, вы извольте лучше написать все» — сѣлъ онъ сейчасъ и вынесъ мнѣ писъмецо.

Утромъ отдала его я Матренѣ, а та барышнѣ; и такъ ни барышня, ни я и виду не показали. Только Вѣра Сергѣевна долго мнѣ въ глаза не могла смотрѣть, и еще добрѣе ко мнѣ стала. И все грустила съ тѣхъ поръ, ужасъ, какъ грустила; да такъ, кажется, на вѣкъ грустная и осталась.

— Вотъ, батюшка, вскорѣ послѣ этого и приключилась бѣда моя, горе горькое! И всю мою жизнь загубила эта бѣда, а и дѣло-то все было плевое. Известно, молодая кровь!

Много насъ было молодыхъ дѣвокъ въ домѣ, никакъ съ пятью. И спали мы всѣ вповалку въ дѣвичьей. Никто насъ не тревожилъ: ну, старая барыня когда пройдетъ, такъ мы на случай, коль надо уйти, возьмемъ, да изъ тулупчика, али другой одежки и сдѣлаемъ такой видъ, словно кто спитъ, да закутался. И все такъ сходило съ рукъ; какъ вдругъ на бѣду, на самые госпожинки, на заговѣнье, и сдѣлайся ночью со старой барыней, Марѳой Матвѣвной, то-есть, припадокъ: пельменей объѣлась, прежадная къ ѣдѣ была. Вотъ и забѣгалась Варвара Григорьевна: послать за лѣкаремъ, да припарокъ матушкѣ, да того, да сего. Входитъ въ дѣвичью, а тамъ одна Матрена спитъ. «Гдѣ остальные?» Вышли, говоритъ, куда-то, сейчасъ будутъ — «Врешь!» и ей щеки нахлестала. — «Послать, говоритъ, мнѣ ихъ сейчасъ, какъ придутъ». Двѣ-то дѣвчонки точно что скоро воротились, а я съ Ариной и замѣшкались до свѣту. Какъ воротились, какъ сказали намъ, такъ ноги и подкосились! Призвала насъ Варвара Григорьевна, и пошла расправа: «Гдѣ были, голубушки?» Мы туда, сюда. — «У меня, говоритъ, расправа коротка: Аринѣ косу долой, а тебя, говоритъ, чтобъ при барышнѣ и духу не было!» Я въ ноги — куда тебѣ! И барышня просить не смѣла. Случись на ту пору, на бѣду, крестьяне изъ деревни; собрали меня, рабу божью, да и сюда! Приѣхала я сюда; ну, все еще не чую большого горя — живу при домѣ. А тогда здѣсь управлялъ имѣніемъ прикащикъ Иванъ Антонычъ. Только прошелъ постъ. Убрались крестьяне. Къ филипповкамъ стали свадьбы затѣваться; призываетъ меня Иванъ Антонычъ, а онъ преехидный такой былъ: «ну, говоритъ, голубушка, городская барышня, я тебѣ женишка нашелъ. Вотъ, говоритъ, тебѣ женишокъ; довольна ли?» И показываетъ мнѣ муженька моего, Кирилушку! А онъ, что ни самый послѣдній мужичишка былъ: бѣдный-пребѣдный, оттого за него никто и не шелъ, да къ тому же карявый такой, коренастый, да низенькій, ноги колесомъ, самъ весь волосами обросъ, и все въ землю смотрѣлъ. Господи! Я въ ноги: «батюшка, Иванъ Антоновичъ, не губи, казни лучше меня!» Упра-

шиваю, умоляю, а онъ одно: «не моя воля, воля барская»; а чего, опослѣ я узнала, совсѣмъ барыня и не приказывала; а сказано было просто: коль будутъ женихи сватать, можешь отдать. Да еще подсмѣивается злодѣй: «А чѣмъ-ста не женихъ? собирайся», говоритъ. Какіе у меня сборы! Я цѣлый день реву, да думаю руки на себя наложить. Пришло воскресенье; собрали меня въ телѣгу, да и къ вѣнцу. Приходъ тогда въ городѣ еще былъ. Повезли насъ черезъ рѣку въ лодкахъ. Осень, да вѣтеръ. Лодку качаетъ, а я молю Бога: «Господи, какъ бы да опрокинулись!» Вижу, не опрокидывается; хотѣла сама въ воду броситься, да свахи удержали. Ей-богу, батюшка, такъ всю переправу за поясъ и держали. А я-то причитаю: «матушка Бѣлая, рѣка быстрая, возьми ты мое тѣло грѣшное. Отдають меня, горемычную, за немилаго, постылаго...» Въ церкви, знаете, какъ сталъ батюшка разспрашивать: желаешь ли ты, раба божія Татьяна, выйти за такого-то; а я такъ-таки громко и говорю: «не желаю». Батюшка — старичокъ былъ, отецъ Павелъ въ то время — замаялся: «Какъ же это, говоритъ, такъ?» Только свать Алексѣй сейчасъ на ухо ему: «по барскому приказанію!» — Говоритъ: «ну, если такъ, дочь моя, твори волю пославшаго: стерпится — слюбится! Вѣнчается раба божія Татьяна...» и обвѣнчали!

Ну, ужъ каково мнѣ было первое время привыкать, и рассказать не можно. Послѣ разныхъ адъютантовъ, да закусочекъ, мужъ-мужикъ неотесанный, изба курная — тогда еще у насъ всѣ по черному топили — да сарафанъ пасконный. Просто душа изнывала. Однако, видно, правду поговорка говоритъ: полежишь, такъ и къ могилѣ привыкнешь — обтерпѣлась. Вижу, дѣлать нечего, слезами не пособишь, принялась я за работу. А въ дому только и работники, что я, да мужъ, да свекровь больная. Принялась я работать и все у меня въ рукахъ кипитъ. И въ полѣ успѣю, и коровушекъ приберу; огородъ завела. Больно я люта къ работѣ была: сама работаю и мужа понукаю, а онъ увалень такой былъ, а я завсегда къ работѣ горяча была. Стала на барщину ходить, и на барщинѣ первая работница: кого въ запряжку, али замолотъ поставить — все Татьяну, да Татьяну. А коль староста попросить, или прикащикъ, чтобы скорѣе что покончить — у меня живо закипитъ, я и другихъ подобью: «ну, бабоньки! ну, молодницы! ну, дѣвицы красныя!» да съ приговорами, да съ пѣснями такая жарня пойдетъ, что въ часъ сдѣлаемъ, чего цѣлый день проваландають! Отъ этого, можетъ, батюшка, теперь и духъ захватываетъ. Это въ церковь Божью пришла, задохнѣлась, на паперти отдыхаю, а ста-

рушка какая-то посмотрѣла, посмотрѣла на меня, да и говоритъ: «эхъ, матушка, видно, ты къ работѣ больно люта была, работала, себя на жалѣючи». Именно, что не жалѣючи, батюшка; за это меня часто бабы бранили, а не только староста или прикащикъ, послѣ и сама Варвара Григорьевна любили меня, да жаловали.

— Ну, староста-то не за это, чай, любилъ, замѣтилъ я.

Степановна ухмыльнулась.

— И-и, батюшка! Грѣшное дѣло, сударь, любила его! Вотъ какъ любила, что душу свою готова была за него отдать. Да и какъ было не полюбить, сударь: дома, положимъ, я все устроила, и чистенько у меня и хорошенъко, лошадушку прикупили, скотинкой, птицей развелись, у меня и капуста вдоволь, и огурцовъ и всякой всячины, а и домъ мнѣ опостылъ изъ-за мужа: мужикъ-мужикомъ, и передѣлать его не могла! Не то, чтобъ онъ съ тобой поговорить; не то, чтобъ онъ тебя приласкать—слова привѣтливаго не услышишь, и вся рѣчь его грубая. А я, батюшка, не на этомъ выросла: я всякое слово понимаю! ты меня хлѣбомъ не корми, да взглядомъ или словомъ обласкай — это мнѣ дороже всего. Вотъ хоть бы вамъ, сударь, въ глаза скажу: не оставляете вы меня милостью вашей, то того мнѣ, то другаго, и завсегда я за васъ и родителей вашихъ должна Господу молитвы возсылать, а мнѣ дороже того, сударь, что вы меня, старуху простую, словомъ своимъ не пренебрегаете и бесѣдовать со мной изволите, тогда какъ вамъ, по разуму вашему, только можетъ съ княгинями, да графинями, али еще и выше съ кѣмъ рѣчи вести! Такъ-то, сударь мой! Такъ могъ ли мнѣ пріятенъ быть мужъ такой, коль я отъ него окромѣ грубаго, да браннаго слова ничего не слыхала! А староста-то со мной завсегда такой ласковый, да привѣтливый: все-то онъ скажетъ тихо, да вразумительно. Да вѣдь и красивъ онъ, сударь, былъ: борода круглая, лицо чистое, да ясное. И за что онъ ни возьмется, на все мастеръ, да ловокъ. Всѣ бабы на него заглядывались, а онъ пуще всѣхъ ко мнѣ — ну, мнѣ и лестно, и полюбила его я, батюшка, вотъ какъ! Что я изъ-за него побой приняла, а укоровъ, да брани отъ своей же братьи, бабъ, и сказать нельзя. А разъ, батюшка, мужъ совсѣмъ было-убилъ! Право, такъ-таки было и убилъ! Такимъ это дѣломъ вышло. Ужъ, видно, вамъ все рассказать. Вдолгъ послѣ ужъ нашего, значить, знакомства: и наговаривали ему на меня, ужъ и самъ онъ запримѣчалъ, и когда поговорить, но все ничего. А разъ разсердился на меня братъ его Гаврило,—тоже приставалъ ко мнѣ, да отъѣхалъ, не солоно

хлебавши—и научи его. И нарядили моего муженька въ ночной, а Панкратій, извѣстно, ужь это и зналъ. Ну, хорошо, ушолъ мужъ; лѣто было, я въ сѣняхъ легла и дверь отворила. Заснула; только слышу, въ просонкахъ, кто-то идетъ; а я едуру-то и спроси: «ты это, Панкраша?»—А мнѣ и отвѣчаетъ: «погоди вотъ, я тебѣ дамъ Панкрашу!» Анъ, это, слышу, мужъ! Я такъ и обмерла: всю ночь не спала. Поутру гляжу—мужъ созываетъ родню. Пришли деверья, а онъ имъ говоритъ: «смотрите, говоритъ, какъ я буду жену учить!» Я ему въ ноги: «Батюшка, говорю, Кирило Михѣичъ, не буду ни впредь, ни послѣ, прости ты меня, бабу глупую! Я-ль тебѣ не служила, не угождала? я-ль тебѣ не работница? Покори ты сердце свое великое, а я буду вѣкъ свой твоя раба послушанія. Убей ты меня, коли окомъ однимъ взгляну». Я причитаю, да передъ образами клятвы кладу, а онъ молчитъ, да только веревку вьетъ: извѣстно, мужикъ необразованный, развѣ слово прошибетъ его! Свилъ веревку претолстѣйшую, да и принялся за меня. А сплища была у него страшнѣйшая, черезъ сплу свою и смерть себѣ получилъ: хотѣлъ котелъ заводскій поднять, у него внутри что-то и лопнуло. Принялся онъ за меня, я и свѣту божьего не взвидѣла: сначала кричала, да молилась, а потомъ духъ занялся и кричать перестала! Онъ меня бьетъ, а деверья, чѣмъ бы отнять, только приговариваютъ: «хорошенько-ста ее! хорошенько!» Такъ бы онъ меня, батюшка, и убилъ, да ужь сосѣди испугались, да на барскій дворъ дали знать, что Кирило-де жену убьетъ. Пришелъ Иванъ Антонычъ, а ужь я и не дышу, и не чувствую себя. Побранилъ онъ мужа, высѣчь обѣщалъ: «что, говоритъ, бьешь, да мѣры не знаешь; не все за разъ вымещай. Черезъ тебя, говоритъ, дурака, еще бѣды наживешь». Велѣлъ снести меня въ чуланъ, водой отливали и кровь пущали, нѣтъ-то-нѣтъ въ чувствіе привели. Недѣли двѣ, батюшка, я пальцемъ пошевелить идохнуть не могла. Съ мѣсяцъ прохворала, насилу оклѣмалась.

Ну, вотъ, сударь, пока болѣла я, да поправлялась, и чуть жива осталась изъ-за этого, прости Господи, козла; выхожу—встрѣчается. А ужь онъ словно не узнаетъ меня! слышу, съ Дашкой Варухиной связался! Ахъ, злоба меня взяла великая: изъ-за кого, думаю, я мученіе на себя приняла! Инда плачу съ досады, а сама люблю—вотъ вамъ Христось, люблю! Что за чудо тако! Думала, думала—порѣшила: прихожу къ мужу, падаю ему въ ноги: «батюшка, Кирилъ Михѣичъ, хочешь казни, хочешь милуй, а не знаю я, что дѣлать съ собою, либо злые люди напустили на меня, либо Панкрашка меня испортилъ; а

не могу я забыть его! Своя ты меня, говорю, Кирилъ Михѣичъ, въ Мухановку: есть тамъ, говорятъ, знахарка такая, что лечитъ отъ всѣхъ порчъ и насыловъ, пусть полечитъ она меня». Михѣичъ, спасибо, послушался, свезъ меня. Наговорила она мнѣ на вино и велѣла пить по рюмкѣ; ну, и пооблегчало сначала, а тамъ и совсѣмъ прошло. И закаялась я, батюшка; съ тѣхъ поръ этимъ малодушествомъ больше и не занималась.

Такъ, батюшка, и дожила я весь вѣкъ съ своимъ старикомъ и схоронила его. И слава Богу, нужды никакой не вижу — и скотинка у меня есть и все, только осталась я какъ бобыль; умру, нѣкому будетъ душу помянуть! Потому хочу я, батюшка, выписать одну изъ племянницъ, что отъ брата осталась. Съ братцемъ — изволите знать, достался онъ Вѣрѣ Сергѣевнѣ — не удалось мнѣ пожить, такъ пусть хоть его племя старость мою успокоитъ и добро мое нажитое получить. А мнѣ теперь, батюшка, ничего не нужно, только о спасеніи души подумать надо. И то слава Богу, добрые люди любятъ и не оставляютъ сироту. Да вотъ чего далеко ходить: проснулась я сегодня утромъ, а у меня на окошкѣ лежитъ лепешка, бѣлая, да масляная, намавленная и преболюшущая! Какъ же не помянуть добрыхъ людей.

— Да что же тебѣ за охота милостыню брать, коли свое есть? спросилъ я.

— А нѣтъ, батюшка! Тайная милостыня дѣло великое: она и тому спасенье, кто подаетъ, и тому, кто принимаетъ, и опять же, значить, уважаютъ меня, старуху.

Въ это время я услышала голосъ почтара, вошедшаго съ задняго крыльца, и довольно невѣжливо оставилъ рассказчицу. Пока я ждалъ, какъ почтарь развязывалъ плетенку и вынималъ оттуда бережно завернутыя письма и газеты, Нимфушка, чѣмъ-то по обыкновенію недовольная, шаркая ногами, ходила по горницѣ и ворчала.

— Много, чай, наврала, а не сказала, я думаю, какъ у бабушки-то деньги пропали! говорила она словно про себя.

— Какія деньги? спросилъ я, не вслушиваясь хорошенько, что она говорила.

— Да что у бабушки вашей пропали. Въ ту ночь, какъ ихъ хватились — глядь, анъ ларчикъ съ расходными деньгами открытъ и стоитъ пустой, кромѣ ихъ и взять-то нѣкому; а деньги немалыя, рублей двадцать слишкомъ было. У другихъ господъ еще и не такъ бы разыскали...

Но я больше не слушалъ. У меня была въ рукахъ кипа писемъ и газетъ и я спѣшилъ наверхъ, чтобы читать ихъ.

Степановна дождала до освобожденія крестьянъ, но недолго была свидѣтельницей новой жизни. Къ реформѣ она, по свойственному ли старымъ людямъ недовольству всѣмъ новизнами, или по привычкѣ польстить господамъ, относилась несочувственно. Впрочемъ, можетъ быть, это недовольство было въ ней искренне, потому что она, давно уволенная отъ всѣхъ работъ, ничего лично отъ переменъ не выигрывала; да къ тому же было обстоятельство, которое дѣйствительно заставило и пожалѣть о помѣщичьей власти. Дѣло въ томъ, что, не дождавшись племянницы по брату, которая отказалась къ ней пріѣхать, и чувствуя приближеніе старости, она пустила къ себѣ въ избу мужнину сестру съ сыномъ, которые обѣщали за ней ходить и успокаивать ее; но, внѣдрившись въ домъ и прибравъ къ рукамъ хозяйство хилѣющей старухи, они не стали, какъ водится, много съ ней церемониться. Жалобы на золовку и племянника составляли нескончаемый источникъ послѣднихъ разговоровъ Степановны. Незадолго до смерти она съ трудомъ пришла ко мнѣ и, едва передохнувъ отъ одышки, восклицнула:

— Батюшка, будьте отецъ родной, спасите вы меня отъ ехидны этой: силушки моей нѣтъ жить съ ней!

— Что случилось, Степановна? спросилъ я.

— Да чего: такими ужастями страшаетъ, что и вымолвить страшно! Стала она въ избѣ кудель трепать, напустила пылищи этой, я и въ прежнее-то время не любила этого, а тутъ просто моченьки моей нѣтъ, я и говорю ей: Михѣевна, говорю (и Степановна стала передавать легкимъ и добродушнымъ голосомъ), вышла бы, я говорю, ты, матушка, на крыльце: не хорошо это въ избѣ дѣлать, духъ мой захватываетъ, матушка. А она мнѣ: «ну, говоритъ, бѣда не велика, коль скорѣе околѣешь!». — Эхъ, я говорю, золовушка, вспомни ты, чей хлѣбъ ѣшь, въ чьемъ домѣ живешь: таскалась бы, я говорю, ты безъ меня по чужимъ угламъ. Тебѣ бы надо за мной, старухой, какъ за матерью ходить, а ты вотъ что говоришь». А она и пошла, и пошла, да вдругъ какъ брякнетъ: «постой, говоритъ, какъ ты околѣешь, такъ я не то съ тобой сдѣлаю: я, говоритъ, тебя въ полѣнницу закладу, ты у меня безъ погребенья недѣлю проваляешься!» Ахъ, мать Пресвятая Богородица! я такъ и обмерла, и отвѣчать ей не могу, только и твержу: спасибо, матушка, спасибо! да скорѣе за посошокъ, да и къ вамъ. А она мнѣ въ слѣдъ-отъ: «ступай, говоритъ, фискаль, фискаль на меня, не больно теперь я боюсь господъ-то: будетъ, говоритъ, имъ надъ нами мудрствовать!»

Я ей замѣтилъ, что Михѣевна сказала правду, и что я дѣйствительно не могу ничего сдѣлать для нея, кромѣ предложенія перейти жить ко мнѣ въ домъ.

Степановна, по обыкновенію, начала льстить и причитать, но отказалась: «нѣтъ, батюшка, знаю я вашу доброту ко мнѣ, старухѣ, и неоставленіе ваше, да не приходится мнѣ избушку свою бросать: какая ни на есть, да она моя; трудилась, трудилась всю мою жизнь, себя не жалѣя, и вдругъ на старости лѣтъ подъ чужой кровлей умирать? не хорошо это, батюшка, подъ кровомъ чужимъ Богу душу отдать.

— Ну, проси міръ: онъ разсудитъ тебя, сказалъ я.

— Эхъ, батюшка! міръ, да міръ только о своемъ животѣ радѣетъ. Жаловалась я міру; ну, и пугнулъ онъ ее: поучить онъ обѣщалъ. За это она больше и злится на меня. А какъ сказала я: возьмите вы, православные, ее отъ меня — жить съ ней я не хочу — такъ міръ-то на меня же. Куда, говоритъ, намъ съ ней возжаться; твоя, говоритъ, она родня: мужнинъ племянникъ — ему и наслѣдствіе надлежитъ. Много ли, говоритъ, тебѣ надо: умрешь — съ собой не унесешь. Вотъ тебѣ и міръ вамъ и судъ праведный! Да и какого, батюшка, разсужденія отъ нашего мужика ожидать: мужикъ, такъ онъ мужикъ и есть. То ли дѣло господское: онъ тебѣ пригрозитъ и онъ тебя защититъ, онъ и разсудитъ. Хоть бы дѣдушка вашъ, покойникъ, или батюшка — дай Богъ имъ царствіе небесное...

И Степановна зачала свое льстивое и хвалебное слово старому житію. Она принадлежала къ тому разряду придворныхъ, которые любятъ показать себя *plus royaliste que le roi*, и была, конечно, убѣждена, что, дескать, что бы ты тамъ ни дѣлалъ и ни говорилъ, а не могутъ не быть пріятны твоей помѣщицкѣй душѣ мои преданныя и рабскія рѣчи.

— А я къ вамъ вотъ съ какой просьбой, батюшка, сказала она: — были вы ко мнѣ всю жизнь добры, не оставьте и по смерти: наблюдайте вы, батюшка, чтобы злодѣйка моя не надругалась надо мной. Служила я вѣрой и правдой вамъ, и родителямъ вашимъ, и дѣдушкѣ съ бабушкой, вамъ завѣщаю и душеньку мою: не дайте ей по мытарству идти... Она заплакала и хотѣла сползти со стула, чтобы поклониться въ ноги.

Я обѣщалъ ей, и чтобы прервать тяжелый для нея разговоръ, попотчивалъ ее чаемъ. Она не отказалась.

— Хотѣла-было я у нянюшки долларъ попросить, оглядѣвшись и понизивъ голосъ, продолжала она: — тоже немало услуживала ей, и деньжонки давала ей: кровныхъ двѣнадцать рублей, прибавила она значительно. — На что, говоритъ, ихъ

тебѣ, а я, говорить, по душѣ твоей панихиды буду служить! Вотъ тебѣ и сказъ. Видно, пока живы, да нужда въ насъ есть, такъ и хороши; а теперь и глядить на меня ужъ мало, да не очень о молитвахъ-то думаетъ. Грѣхъ только говорить...

И, однако, поговорила и сообщила разныя разности про слабую сердцемъ няньку, пока я не перемѣнилъ предметъ.

Скоро мнѣ пришлось сдержать слово, данное старушкѣ: недѣли черезъ двѣ она умерла. Умерла она какъ-то нечаянно, чуть не на ногахъ, какъ обыкновенно умираютъ наши крестьяне. Разумѣется, ея врагъ и не думалъ исполнить свою угрозу, да и трудно бы это было сдѣлать въ деревнѣ, гдѣ, разумѣется, всѣ тотчасъ узнали бы о такомъ событіи. Я поручилъ одной специалисткѣ въ дѣлѣ обрядностей наблюсти, чтобы похороны были какъ слѣдуетъ, и зашелъ самъ посмотреть на бѣдную старуху. Дѣйствительно, все было какъ должно, и еслибы Степановна могла изъ гроба выглянуть на свои похороны, она бы, вѣроятно, осталась ими довольна. Гробъ былъ тесовый (у насъ часто хоронятъ крестьянъ въ выдолбленномъ деревѣ или колодѣ); старка-начетница, которую обыкновенно приглашали въ этомъ случаѣ, однообразно и нараспѣвъ читала псалтирь, и даже врагъ покойной, Михѣевна, хлопотала и усердно стряпала поминки изъ присланной муки. Сама Степановна съ сложенными накрестъ руками лежала въ гробу чинно и обрядно, какъ подобаетъ богобоязненной старушкѣ. Но выраженіе лица не соответствовало положенію: на немъ не было ни той важной церемонности, ни смиренной ужимки, которыя были у нѣкоторыхъ изъ окружающихъ старухъ, да и вообще оно не было похоже на себя, на то лицо, которое носила въ разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ Степановна. Казалось, смерть смела съ него, какъ ненужный хламъ, всѣ разнообразныя штрихи и черты, которые клали на него приниженіе, лесть, веселость, горе, и безчисленная обрядность и заботы ея тревожной жизни: «все это вздоръ, и маска, казалось, рѣшила она, и теперь не нужно!» Блѣдное, изможденное и осунувшееся это лицо было безсмысленно. Оно было похоже на лицо измученнаго отъ скверной дороги фельдъегеря, пріѣхавшаго въ скверное пристанище, но уже и къ нему равнодушнаго. Оно, казалось, говорило: «ну, я свою жизнь отмыкала, а теперь выдѣлывайте, что хотите: мнѣ все равно!»

М. Авдѣевъ.